

Глава 13. Возвращение в деревню

Спустя два дня старик Чэнь, опираясь на клюку, вновь отправился в Юэчжоу. Простояв всё утро на коленях перед складом лавки Чжэньпиньцзай, он наконец дождался управляющего Ли.

Управляющий Ли велел слугам поднять старика, но тот упёрся намертво, отказываясь вставать.

— Эх, старый владелец, — тяжело вздохнул Ли Линь. — Когда мы только затевали это дело, я не раз переспрашивал, справитесь ли вы. И вы лично клялись, что всё будет в лучшем виде.

— Моя... моя вина, — пробормотал старик Чэнь, не поднимая головы. — Жадность застилала глаза.

— Наша лавка потому и процветает, что мы дорожим честным именем. И товар, что мы продаём, должен быть подлинным, и тот, что закупаем — самого лучшего качества, — назидательно произнёс управляющий.

Старик лишь поспешно кивал в ответ. Внезапно он закашлялся — приступ тяжёлого кашля едва не свалил его на землю, так как он был не в силах больше держаться на коленях.

Ли Линь снова вздохнул и махнул рукой:

— Ладно. Глядя на твои седины, сердце не на месте. Попробую замолвить за тебя словечко перед Главным владельцем.

— Благодарю... премного благодарен, управляющий Ли, — голос старика дрожал от волнения.

Ли Линь развернулся и ушёл вглубь склада. Миновав несколько помещений, он вышел через боковую дверь и, пройдя по каменной дорожке, остановился перед дверью, покрытой чёрным лаком. Он негромко постучал бронзовым кольцом.

Дверь тут же отворилась. Показавшийся на пороге слуга, узнав управляющего Ли, поспешно прошептал:

— Молодой господин давно вас дожидается.

Под «молодым господином» подразумевался истинный владелец лавки Чжэньпиньцзай — У Мосюань.

Ли Линь, внутренне ликуя, поправил одежду и вошёл. Миновав нарядную ширму-икрани и пройдя через главный зал, он в сопровождении слуги миновал крытую галерею и оказался в

изыщном павильоне для отдыха.

Там сидели двое.

Один был одет просто — в куртку из грубой ткани, другой же щеголял в расшитых одеждах, с изысканной нефритовой шпилькой в волосах. В его облике сквозило благородство.

Человека в грубой одежде Ли Линь узнал сразу — это был Цуй Ян, торговец сушёной рыбой, с которым он недавно ездил на каменный карьер. Вторым же, без сомнения, был сам У Мосюань.

Ли Линь не был официальным управляющим лавки Чжэньпиньцзай; его привлёк к этому делу управляющий Се со склада Ваньло. До этого он служил простым смотрителем второго склада — должность чуть выше рядового служащего.

Смотрителям редко выпадала честь лицезреть хозяина. Понимая, что судьба даёт ему редкий шанс, Ли Линь почтительно поклонился:

— Ли Линь, смотритель второго склада Ваньло, приветствует молодого господина У.

У Мосюань поднял голову. Его лицо, чистое и гладкое, словно выточенное из драгоценного нефрита, поражало своей красотой. Ли Линь на миг оцепенел от неожиданности, но быстро взял себя в руки и смиренно опустил взгляд.

«Крепкая выдержка», — мысленно похвалил его У Мосюань.

Однако к Ли Линю он обращаться не стал. Повернувшись к Цуй Яну, он с притворным упрёком произнёс:

— Я ведь из добрых побуждений решил тебе помочь, но теперь разгрести этот беспорядок будет непросто.

Поначалу Цуй Ян лишь хотел проучить старого владельца карьера, но кто же знал, что его сын окажется настолько алчным, бестолковым и беспринципным? Ситуация зашла в тупик.

Цуй Ян задумчиво подпёр щеку рукой, другой же лениво поигрывал крышкой чайной чашки. Послышался лёгкий скрежет фарфора. Со стороны казалось, что он ищет выход из положения, но на самом деле он, по просьбе У Мосюаня, проверял способности Ли Линя.

И действительно, видя, что Цуй Ян молчит, Ли Линь кашлянул и сложил руки в жесте почтения:

— У ничтожного слуги есть решение.

— Вот как? — У Мосюань, всё ещё не глядя на него, отпил чаю. — Излагай.

— Старик Чэнь доставил первую партию камня, оговорённую в контракте — всего восемьсот тридцать одна плита. Чжэньпиньцзай может выкупить этот камень, но по рыночной цене, соответствующей его посредственному качеству. Из этой суммы мы вычтем выплаченный ранее задаток и при этом освободим его от уплаты неустойки. Так наша лавка не понесёт убытков, а денег, которые получит старик, всё равно не хватит, чтобы покрыть долги его сына, Чэнь Дачжи. Старику не останется ничего другого, кроме как продать право на добычу в карьере. В этот момент мы сможем выкупить его по цене значительно ниже рыночной. На карьер наймём прежних мастеров, а для проверки счетов и учёта продукции будем регулярно присылать своего человека. Добытый камень можно будет продавать в соседних уездах и деревнях, а в случае нужды — отправлять сюда, в Юэчжоу.

Это предложение почти полностью совпадало с тем, что Цуй Ян обдумывал ранее. Перед этой встречей они с У Мосюанем долго совещались, и тот помог ему уточнить детали, которые он упустил.

Теперь, услышав те же мысли от простого складского смотрителя, У Мосюань проникся к нему ещё большим уважением. Однако, желая испытать его до конца, он возразил:

— А если Чэнь Дачжи примется скандалить? Такой бездельник может доставить немало хлопот новым владельцам.

— Чэнь Дачжи — обычный трусливый проходимец, — ответил Ли Линь. — Достаточно продержать его в камере подольше, и когда он выйдет, у него и мысли не возникнет чинить препятствия.

— И у тебя есть способ уговорить диши в уезде Шаньнань продержать его подольше? — спросил У Мосюань, прищурившись.

— Мой дядя по материнской линии состоит в родстве с одним из служителей при управе диши, — не моргнув глазом, ответил смотритель.

У Мосюань поставил чашку на столик. «А парень хорош, — подумал он. — Умён, дело знает, говорит по существу, да ещё и связи в управе имеет. Такой человек нам пригодится».

Он украдкой взглянул на Цуй Яна с явным одобрением. Тот понял знак и, хотя хотел было сам похвалить Ли Линя, сдержался и лишь коротко бросил:

— Считаю, план стоящий.

У Мосюань небрежно кивнул, соглашаясь, и обратился к Ли Линю:

— В таком случае, поручаю это дело тебе. Рассчитай необходимую сумму, подай бумаги на проверку в бухгалтерию и получай средства.

Ли Линь поспешно поклонился. Он понимал: если справится, его ждёт большое будущее.

Когда шаги зрителя стихли вдали, Цуй Ян тяжело выдохнул. Однако на его лице не было радости от успешного завершения дела. Напротив, он нахмурился, явно чем-то озабоченный.

У Мосюань к тому времени окончательно отбросил чинную строгость и развалился в кресле в непринуждённой, почти небрежной позе. Его предки из поколения в поколение служили при дворе, а его дед, гэлао У, и вовсе возглавлял Внутридворцовый совет, так что в каждом жесте молодого господина сквозило благородство, недоступное простым смертным. Даже эта ленность казалась изысканной, точно небожитель снизошёл в мир смертных, оставив вечность позади ради краткого мига земного покоя.

Он обратил свой сияющий взор на Цуй Яна и приподнял бровь:

— Всё ведь уладилось. Отчего же ты сидишь с таким мрачным видом?

Цуй Ян вздохнул, но промолчал. У Мосюань, будучи человеком проницательным, сразу всё понял. Он выпрямился и, придвинувшись ближе к другу, лукаво спросил:

— Неужто боишься, что твои методы напугают того, кто занял все твои мысли?

— Какие ещё «мысли»! — вскинулся Цуй Ян, чей секрет был так бесцеремонно раскрыт. — Глупости не говори!

Он и вправду терзался сомнениями. Всего лишь хотел помочь Лу Фэну получить честно заработанные деньги, а в итоге раздул такой пожар. И хотя он нашёл способ всё уладить, Лу Фэн, хоть и простоват, вовсе не глуп. Рано или поздно он сопоставит факты и поймёт, кто за всем этим стоит. И как он тогда посмотрит на него?

Не увидит ли он в нём жестокого дельца, который ради своей цели не погнушался разорить чужую семью? От этих мыслей Цуй Яну становилось по-настоящему страшно.

У Мосюань лишь усмехнулся:

— Напрасно ты так! Твоей вины здесь нет. Всё началось с жадности хозяина карьера, который решил обмануть твоего ненаглядного. А то, что дело приняло такой оборот — результат его собственной бесхребетности и скверного воспитания сына. Он сам пожал то, что посеял, ты

здесь ни при чём.

— Но всё же... — Цуй Ян хотел было возразить, понимая, что Лу Фэн вряд ли обладает такой же широтой взглядов, как У Мосюань.

Тот лишь шутливо стукнул Цуй Яна веером по голове:

— Эх ты! Обычно такой рассудительный, а как дело коснулось этого парня — совсем голову потерял. Если хочешь оберегать его, не скрывая от него изнанку жизни, то готовься к трудностям. Мир полон зла, и если ты будешь вечно держать его в неведении, то сам же и пострадаешь. В конце концов, ты ведь собираешься когда-нибудь открыться ему в своих чувствах?

— Я... — Цуй Ян прикусил губу.

Покинув родные края в детстве, он долго жил в Минчжоу — портовом городе с вольными нравами. Там среди моряков и рыбаков союзы между «братьями по контракту» — ци-сюн и ци-ди — были делом привычным. Цуй Ян привык к этой мысли и не чувствовал отторжения, а после нескольких встреч с Лу Фэном в его сердце и вовсе затеплились неясные надежды.

Но Лу Фэн вырос в Юэчжоу, он единственный сын в семье. Как можно признаться в подобном?

— Он не такой, как мы, он о таких вещах и не слыхивал, — поспешно заговорил Цуй Ян. — Он никогда не согласится, и я ни за что не признаюсь. Я... я вернулся в Юэчжоу только ради того, чтобы отплатить за доброту. У меня нет других помыслов.

— Неужели только ради долга? — У Мосюань прищурился, и его взгляд, точно острый клинок, казалось, пронзил Цуй Яна насквозь. — Если бы это была лишь благодарность, ты бы просто открылся им, наделил серебром или купил земли. К чему все эти сложности с арендой жилья и осторожными попытками сблизиться?

Цуй Ян поник. После возвращения он по крупицам собирал сведения о прошлом, и хотя узнал немного, стало ясно: несчастья, обрушившиеся на семью Лу, были как-то связаны с его собственной семьёй. У семьи Лу были все причины ненавидеть его родных.

Если бы речь шла только о деньгах и землях, ненависть не имела бы значения — отдал долг и разошлись. Но он искал сближения, он хотел защитить Лу Фэна и смыть старую вражду. Он хотел, чтобы они снова узнали друг друга. И даже если им не суждено стать парой, он мечтал быть ему лучшим братом.

Но теперь казалось, что даже это несбыточно. Цуй Ян совсем пал духом.

— Глупый ты, Цуй Ян, — У Мосюань кончиком веера приподнял его подбородок. — Если он не

способен понять и принять твои методы, то вы и просто братьями долго не пробудете.

В сердце Цуй Яна что-то дрогнуло.

В тот же день после полудня Цуй Ян, взвалив на плечи коромысло, побрёл обратно в деревню Пиньян.

На этот раз он нёс не лёгкие короба с сушёной рыбой, а две тяжёлые корзины с рыбой однократной сушки — даньпуй, а также разную домашнюю утварь.

Даньпуй — это морская рыба, прошедшая первую стадию засола. В зависимости от вида и качества рыбы время засолки различается. После её завершения рыбу, опять же глядя на сорт, либо выставляют на солнце, либо сушат в тени, либо хранят в соли. Этот этап — самый важный: морская рыба портится быстро, и если в первый раз передержать или недосолить, вся партия пойдёт прахом.

Именно поэтому Цуй Ян несколько дней не показывался в деревне. Хотя мастерскую уже перенесли в старый дом семьи Бао, время поджимало, и первую партию пришлось солить на старом месте, неподалёку от склада Ваньло. Теперь, когда рыба «дошла», он решил перевезти её в Пиньян.

Ноша была раза в три тяжелее обычного короба торговца. Даже Цуй Ян, привычный к тяжёлому труду, взмок, пока добрался до околицы. Когда солнце начало клониться к закату, он утёр пот со лба и решил без передышки дотянуть до дома.

Вдруг он заметил, что рядом кто-то стоит. Это был Лу Фэн, возвращавшийся с охапкой хвороста.

В тот день Лу Фэн ходил за дровами на гору напротив деревни и теперь шёл в ту же сторону, что и Цуй Ян. Заметив издали его тяжёлую походку, он в несколько шагов нагнал его и молча пристроился рядом.

Лу Фэн стоял спиной к заходящему солнцу, и в его лучах высокая фигура казалась суровой и холодной; лица было не разглядеть. Сердце Цуй Яна ёкнуло, а все наставления У Мосюаня и заготовленные по пути оправдания мгновенно вылетели из головы. Осталась лишь одна паническая мысль: «Плохо дело... Брат Лу наверняка теперь видит во мне злодея».

— Ты... — выдохнул Цуй Ян, но голос сорвался, и он не смог выдать больше ни слова.

Лу Фэн лишь молча развернулся и размашистым шагом направился к деревне.

«Что же делать?» — Цуй Ян почувствовал, как кружится голова. То ли от усталости, то ли от охватившего его отчаяния — весь мир вокруг поплыл перед глазами.

<http://bllate.org/book/17486/1711053>